

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОЕЗДКИ П.Н. МИЛЮКОВА: ОТ УЧЕНИЧЕСТВА – К НАУЧНОМУ ДИАЛОГУ (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)¹

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.136

Заграничные поездки русского историка-позитивиста и общественного деятеля рубежа XIX–XX вв. П.Н. Милюкова рассмотрены как способ самопознания, накопления информации и обретения умений вести научный диалог. Мотивация заграничных поездок русского ученого представлена во временной динамике: от ученичества и первых впечатлений – через понимание важности диалога разнородных культур – к практическим шагам научного сотрудничества. Период с 1881 г. по 1899 г. можно с большим основанием назвать временем «ученичества» Милюкова; период с 1899 г. по 1905 г. – временем плотного научного диалога и сотрудничества с отечественными и западными учеными. Сделан вывод о том, что в жизненном мире Милюкова «политик» вытеснил «историка». Он уезжал за границу как «начинающий историк», стал ученым, интегрированным в международное научное сообщество, однако вернулся в Россию как «начинающий политик».

Ключевые слова: П.Н. Милюков, культура, история, научный диалог, заграничные поездки.

В первой статье говорилось о том, что период с 1881 г. по 1899 г. можно с большим основанием называть временем ученичества П.Н. Милюкова [9, с. 167–175]. В течение этих двух десятилетий наблюдалось становление Милюкова как ученого-исследователя [политическое «ученичество» осознанно выведено за рамки статьи – Е.М.]. Заграничные поездки в Италию, Францию, Болгарию, Македонию дали ему возможность почерпнуть знания в области истории, этнографии, географии, лингвистики, литературы и искусства. Например, в Париже (1897) Милюков собрал довольно обширный материал для курса лекций по всеобщей истории, который он предполагал читать в Московском университете. Тогда же исследователь истории славянства Луи Леже проявил любезность и помог малознакомому русскому историку полу-

¹ Заграничные поездки П.Н. Милюкова: от ученичества – к научному диалогу (Статья первая) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 4 (58). С. 167–175.

чить доступ к необходимым источникам и поделился опытом специфики выстраивания курса по всеобщей истории. В Софии (1897) Милюков подготовил две статьи для универсальной энциклопедии, запущенной в России издательским обществом «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон». Первая статья вышла под названием «Петр I», вторая, ставшая впоследствии программной для творчества Милюкова, – «Источники русской истории и русская историография». В поездке по Болгарии и Македонии (1898), в составе археологической группы, возглавляемой Ф.И. Успенским, Милюков собрал уникальный материал доисторических погребений. Впоследствии найденные артефакты были проанализированы и использованы им для написания «Очерков по истории русской культуры». Первое издание вышло в журнале «Божий мир», в трехчастном режиме – 1895 г., 1896 г., 1899–1902 гг. [3, с. 32].

Период с 1899 г. по 1905 г. можно охарактеризовать временем научного сотрудничества Милюкова с отечественными и западными учеными. Цель данной статьи, собственно, и заключается в том, чтобы на примере его деятельности изучить и показать формы научного диалога, зарождавшегося на рубеже XIX–XX вв. сквозь призму коммуникаций ученых разных стран.

В 1901 г. Милюков со своей семьей поселился на даче под Петербургом на станции Удельная. Здесь надо пояснить нюанс выбора места жительства. Он был обусловлен не личным желанием, а близостью столицы, въезд в которую, по политическим мотивам, Милюкову не разрешался. Однако, по воспоминаниям историка, вопреки запрету, он довольно часто нарушал его и ездил в Публичную библиотеку и в Литературный фонд Петербурга. В одну из таких поездок, по приглашению ученого-филолога, редактора журнала «Божий мир» Федора Дмитриевича Батюшкова, Милюков встретился в его доме с иностранными гостями. Ректор Чикагского университета Уильям Рейн Харпер и миллионер-благотворитель Чарльз Крейн специально приехали в Петербург в поисках лектора для кафедры истории славянских языков и литературы в своем молодом вузе (открылся в 1890 г., первые занятия начались в 1892 г.). Первым лектором в Чикагском университете по истории славян был Томаш Масарик, тогда еще молодой, только начинающий свою карьеру чешский историк, философ, социолог и будущий президент Чехословакии. Милюкову предлагалось продолжить работу Масарика – стать лектором на следующий учебный год.

Не без явного удовольствия от признания его как специалиста-слависта, Милюков согласился. Однако сразу почувствовал два препятствия: административное (находился под следствием) и дискурсивное (слабо владел английским языком). Как это ни странно, но первая проблема разрешилась быстро. Царское правительство было радо удалить из России политически ангажированного ученого, имеющего уже за своей спиной ссылку и тюремное заключение. Поэтому Милюкову по-

лучил разрешение выехать на три месяца в Англию для практического изучения английского языка. В свою очередь, американские коллеги, согласились на отсрочку начала лекций в Чикагском университете.

Милюкову, по его выражению, «посчастливилось» найти профессионального учителя английского языка. Мисс Хьюз, так звали его преподавателя, не только ставила ему произношение, но и корректировала тексты будущих лекций на английском языке. Занятия начались на станции Удельной, куда учительница приезжала на велосипеде. Для ускорения обучения уроки были перенесены в Петербург и завершились в предместьях Лондона, куда приехал Милюков. Занятия проходили в повседневной, непринужденной обстановке прогулок и отдыха. В течение трех месяцев ученик со своей учительницей и ее подругой на велосипедах объездили практически весь Северный Уэльс. Современные исследователи подобные жизненные эпизоды именуют термином «лингвистический туризм» [4]. «Эта поездка, кроме удовольствия, доставила мне и большую пользу, развязав окончательно мой английский язык», – вспоминает Милюков [7, с. 143].

Первая поездка Милюкова в Америку состоялась в 1903 г. Ректор Чикагского университета Харпер познакомил русского лектора с традицией начала проведения «учительского съезда». Это был день, когда съезжались преподаватели со всех концов Америки. Ректор лично знакомил коллег с новым профессором, в торжественной обстановке надевал на него академическую мантию и шапочку. Впоследствии Милюков подробно описал в своих воспоминаниях представившуюся ему уникальную процедуру. Вот он вместе с ректором идет вдоль шеренги преподавателей и обменивается рукопожатием с сотней коллег, после чего «рука порядочно распухла». Вот он торжественно облачается в черную мантию лектора, которая, как оказалось впоследствии, способна скрывать некоторые «упрощения костюма» из-за жары в Чикаго. Вот он попадает в апартаменты для проживания в студенческом дортуаре и оценивает их как «великолепное помещение» [7, с. 148]. Эти и другие образные зарисовки воссоздают нам академическую атмосферу, царившую в Чикагском университете.

Американские коллеги предложили Милюкову преобразовать готовые материалы лекций сразу в книгу о России, с обязательным акцентом на политическом кризисе сегодняшнего момента. Учитывая пожелания приглашающей стороны, Милюков собрал лекции таким образом, что в центре изложения оказалась история политической мысли в России, сквозь призму которой был выстроен и весь остальной материал. Тематически это выглядело так: «консерватизм» (эволюция верований и учреждений в допетровской России), «либерализм» (история российского дворянства и учреждений) и «социализм» (история крестьянства и рабочего класса).

Аудитория слушателей Милюкова оказалась весьма разнообразной. Основную массу составляли студенты, специализирующиеся по кафедре истории славянства, и преподаватели из разных учебных заведений Америки. Кроме того, на лекции ходили и коллеги, интересующиеся историей России. Частым слушателем оказался профессор Арнольд. Общая университетская среда свела воедино двух молодых ученых и между ними завязалась дружба. Специалист по клинообразным надписям, Арнольд оказался в числе тех исследователей, кто заложил основу для будущего издания Чикагского ассиро-вавилонского словаря (основан в 1921 г. египтологом Д.Г. Брэстедом, впервые опубликован в 1956 г.). Как вспоминает Милюков, Арнольд выступал в роли его «доброжелательного критика». Он заранее читал рукописи русского коллеги, вносил дискурсивные правки и адаптировал смысл сказанного под особенности менталитета «типичного американца» [7, с. 149].

Интерес к России в это время оказался большим. В адрес Милюкова сыпалось много предложений, он слыл желанным лектором в местных клубах и профессиональных сообществах. В силу своей, прямо скажем, отважной натуры, представитель России, не стесняясь плохого произношения, много и охотно выступал перед самой разной публикой. В результате такая практика дала Милюкову возможность овладеть публичным языком, чтобы доступно транслировать аудитории свои научные знания. Сегодня, по прошествии стольких десятков лет, можно признать важность усилий Милюкова, оказавшегося, в силу обстоятельств, на перекрестке международных коммуникаций. По сути, в чужой стране, на чужом языке он транслировал свои профессиональные знания и осваивал пласты новых знаний. Поливариантное видение исторического развития помогало ему адекватно оценивать новые научные факты и открывающиеся перед ним незнакомые культурные стандарты мышления и поведения.

В итоге, чикагский курс лекций прошел для Милюкова довольно успешно. Но энергетический спад все же чувствовался, нужна была передышка. Тем более, что впереди предстоял новый осенний курс в Институте Лоуэлла (Lowell Institute) в Бостоне. За очень плотный период времени у любого нормального человека неизбежно накапливается груз усталости и ощущение информационного перегруза. Такое состояние испытывает любой человек за границей, находясь в новой для него локации, среди малознакомых людей и в неродной языковой среде. Нечто подобное описывает Н.М. Карамзин в своих «Письмах русского путешественника»: «Ведь мне надобно пожить на одном месте. Душа моя утомилась от множества любопытных и беспрестанно новых предметов, которые привлекали к себе ее внимание; ей нужно отдохновение – нужен тонкий, сладостный, питательный сон на персях любезной природы [2, с. 221]. Так случилось и с Милюковым. И вновь профессор Арнольд пришел на помощь русскому путешественнику. Он оказался настолько

любезным, что предложил отдохнуть у его знакомых. Милюков последовал совету и провел время в полном одиночестве, правда, не на «персях природы», как мечтал Карамзин, но в тихом доме в окрестностях Бостона, среди книг и рукописей.

Еще в первой своей поездке по Македонии (1898) Милюков познакомился с Лео Винером, лингвистом, преподавателем славянских языков и литературы в Гарвардском университете. В ту пору интересы гуманитариев-славистов совпали, и Винер пригласил своего нового знакомого прочесть в Америке цикл лекций по истории русской культуры. Воспользовавшись этим приглашением, Милюков до начала занятий в Бостоне направился в Гарвард. Он надеялся получить доступ к библиотеке старинного университета. Так все и сложилось. Схожие профессиональные интересы при встрече переросли в дружеские отношения. Винер ввел Милюкова в профессорское сообщество Гарварда, погрузил в вопросы внутреннего устройства университета и познакомил со своей семьей [7, с. 150].

Институт Лоуэлла, где должен был читать курс лекций Милюков, имел к 1903 г. уже продолжительную историю. Он был основан в Бостоне в 1837 г. и представлял собой образовательную площадку для чтения публичных лекций. Сюда для чтения лекций приглашались, как правило, международные знаменитости. На этот раз таковыми стали Милюков из России как специалист по русской истории и профессор Этторе Пайс из Италии как специалист по древнеримской истории. Как и в Чикагском университете, в институте Лоуэлла накануне учебных занятий состоялось торжественное знакомство. Лоуэлл лично представил новых лекторов собравшимся коллегам и слушателям.

Впоследствии, вспоминая свои пять посещений Америки, Милюков с особой значимостью отмечал именно этот бостонский период. Он очень высоко оценил тогдашних слушателей – и студентов университета, приходивших на его лекции, и взрослых людей, интересующихся историей России. «Чтение лекций было моей профессией, но я не запомню такого высокого уровня аудитории, как это было в Бостоне», – пишет он [7, с. 151]. Об успешности завязавшегося тогда научного диалога между русскими и американскими учеными говорит тот факт, что, спустя годы, в 1921 г. Милюкова был вновь приглашен читать лекции в институте Лоуэлла. На основе прочитанных курсов в Америке будет опубликована его работа «Россия на переломе». В Бостоне она выйдет под названием «Russia Today and Tomorrow» (1922).

После окончания лекций в Америке Милюков провел зиму 1903–1904 гг. в Лондоне. Одна из глав его мемуаров так и называется «Зимовка в Англии». Как уже отмечалось в начале статьи, политическая деятельность Милюкова сознательно не затрагивается, нас интересует ученый, его способность вести научный диалог. Но полностью вывести эту тему за рамки статьи, конечно, не удастся. В силу турбулентности

социальных и политических событий в России рубежа XIX–XX вв. Миллюков оказался не просто кабинетным ученым, но и политиком [10]. Русский историк и политический деятель П.Б. Струве в своем «Дневнике политика» в эмиграции подчеркивал то же самое, говоря о «сочетании в одном лице политика и научного деятеля» [12, с. 434]. В связи с этим вполне объясним и круг лондонских знакомств Миллюкова. В него входили русские эмигранты: этнограф и публицист Исаак Владимирович Шкловский, революционеры Николай Васильевич Чайковский, Петр Алексеевич Кропоткин и Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. И этот ряд можно дополнить именами английских политических деятелей либерального и социально-демократического направления.

Однако вернемся к научной деятельности Миллюкова в Лондоне. Известно, что в Британском музее он работал над замыслом третьего тома «Очерков по истории русской культуры», который охватывал историю России второй половины XVIII и XIX вв. «Никак не мог я ожидать, что это единственное в мире книгохранилище окажется таким богатым и для моей темы», – пишет Миллюков [7, с. 156].

Вторая поездка Миллюкова в Америку состоялась в 1904–1905 гг. На этот раз ему был предложен курс лекций для узкого круга лиц – студентов, специализирующихся по истории славянства. Академический ход лекций был прерван взрывным известием из России. 9 января 1905 г. произошло событие, получившее название «Кровавое воскресенье», и, по сути, ставшее началом первой русской революции. Ректор Чикагского университета Харпер и его попечитель Крейн отнеслись с пониманием к желанию Миллюкова прервать договоренности и уехать домой в Россию. Задержала отъезд лишь работа над окончанием книги «Russian and its Crisis» (Чикаго, 1905). И здесь вновь пришел на помощь профессор Арнольд, который отредактировал рукопись и составил скрупулезный указатель содержания книги. Одновременно предполагалось и французское издание книги. Случай помог Миллюкову найти, так сказать, переводчика «на корню». Им оказалась госпожа Пти, француженка, владеющая русским языком.

Заграничные поездки Миллюкова, «мои скитания», как он их сам именует, разделили жизнь историка на две части. С одной стороны, за политическую активность историк был «выброшен» из своего профессионального сообщества. После ссылки в Рязань и преподавания в Софии прервалась его университетская карьера на родине. Он вынужденно отстранился от научных интересов, в которых «варились» московские и петербургские историки [3]. С другой стороны, за десяток лет проживания в Европе и Америке у Миллюкова сложились плотные научные контакты с зарубежными учеными. Да и сам он сформировался как профессиональный исследователь, как философствующий историк. «Очерки по истории русской культуры» и другие работы Миллюкова демонстрируют

его включенность в тренды западноевропейской историографии, осведомленность о значимых интеллектуальных новинках в области гуманитарного знания. Среди таких «новинок»: учение о роли психических сил человека и его воли (Л. Уорд); теория коллективно-психологических данных в социологии (Ф.Г. Гиддингс); концепция о сознательных действиях индивидов, обусловленных экономическими потребностями (П. Лакомб); антропогеография и теория культурных кругов (Ф. Ратцель) и другие [8, с. 32–33, 65–66].

Уезжая за границу как «начинающий историк», через десять лет Милюков вернулся в Россию как «начинающий политик» – так он сам оценивает вектор жизни [7, с. 176].

После установления советской власти в России Милюков окажется в эмиграции. В 1920–30-х гг. по-прежнему будет сильна его жизненная активность. Он – редактор газеты «Последние новости» и неизменный лектор публичных чтений. Так, его доклад в Праге 1 февраля 1927 г. об евразийстве и программе нового журнала «Борьба за Россию» вызвал бурные прения в аудитории, которые сразу же выплеснулись на страницы разных журналов. Об этом пишет Струве в своем журнале «Возрождение». Интерес оказался таким высоким, что Милюков повторил свой доклад, теперь уже в Париже 5 февраля 1927 г. в зале «Аджар». Не разделяя теоретических выкладок евразийцев, он поддерживал их попытки преодолеть «белую» идеологию русской эмиграции [12, с. 220, 228].

В эмиграции дерзновенная натура Милюкова сказывалась и на выборе тематики для публичных докладов. Как в свое время в Америке, когда он не боялся осваивать английский язык буквально в процессе чтения лекций, так и теперь, в эмиграции, он не боялся острых вопросов дня и заявлял заведомо полемичные темы для докладов. Республиканско-демократическое общество в Париже стало постоянной площадкой для докладов по актуальным событиям. Милюков оказался в числе часто приглашаемых лекторов. Например, он не раз выступал с вопросами, касающимися дальневосточной геополитики 1930-х гг.: «Надвигающаяся катастрофа» (1930), «Дальневосточный конфликт и Россия» (1932) и др. [12, с. 536, 653]. Если верить дневнику Струве, то прения по докладам Милюкова достигали такого накала, что иногда заканчивались рукоприкладством. Так, в мае 1927 г. Милюков объявил целую серию публичных лекций: «Грозит ли Европе новая война», «Национализм или интернационализм», «Европа, Россия, еврейство (большевизм и евреи)». После одной из них докладчик получил удар по лицу от экзальтированного слушателя, на другой – был публично оскорблен «на словах». Эти инциденты широко освещались в эмигрантской печати [12, с. 269].

Годы жизни Милюкова за границей (1899–1905) – это время плотного научного сотрудничества, разнообразных личностных коммуникаций. Трудно переоценить его «Очерки по истории русской культуры». Включенный в европейскую науку, Милюков продемонстрировал в

этой работе то, что исследователи называют «изменением историко-философской оптики». Как историк-позитивист, использующий многофакторный анализ, Милюков оказался восприимчивым и к новым тенденциям, символизирующим переход от классической философии истории эпохи Нового времени к постклассической. Специалисты по философии истории солидаризируются в фиксации черт этих тенденции: ширятся междисциплинарные связи истории; теряет актуальность линейное повествование прошлого, развивается идея плюрализма культурных миров (Б.Л. Губман); усиливаются интеркультурные влияния, выраженные в понимании философии как полилога, который ведется между равноправными участниками (А.Е. Рыбас); возникает необходимость в использовании традиций незападного мышления для решения современных проблем (А.В. Малинов) и другие характеристики [1; 5; 6; 10].

На рубеже XIX–XX столетий совершался переход к постклассической парадигме философии истории. Успешно интегрированный в международное научное сообщество, Милюков не мог этого не заметить. При его эрудиции, открытости к новым знаниям и интеллектуальном чутье, он смог бы уловить и реализовать новые тенденции в философии истории. Элементы рефлексивного постижения прошлого уже наметились в его работе над «Очерками». Милюков широко использовал потенциал других наук – языкознания, экономики, социологи, политических и правовых учений, а также обосновывал не линейную, а поливариантную картину истории и культуры России. Остается только в очередной раз посетовать на то, что активная политическая деятельность заслонила в жизненном мире Милюкова его научные интересы и не дала реализоваться новым научным достижениям.

Список литературы

1. Губман Б.Л. Становление постклассической философии истории: вызов исторического опыта // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2 (52). С. 216–229.
2. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / вступ. ст. Г.П. Макогоненко; прим. М.В. Иванова. М.: Правда, 1988. 544 с.
3. Канищева Н.И. Павел Николаевич Милюков // Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. С. 5–42.
4. Косарская Е.С. Лингвистический туризм как особый вид туристско-образовательной деятельности // Образование в XXI веке: мат-лы Всерос. научной заочной конференции / отв. ред. Э.Ю. Майкова. Тверь: ТГТУ, 2016. С. 100–104.
5. Малинов А.В. Интеркультурная философия: полилог традиций // Соловьевские исследования. 2021. № 4 (72). С. 183–194.
6. Малинов А.В., Рыбас А.Е. Русская философия в изгнании? Размышления над книгой «Русское зарубежье: антология современной философской мысли» (сост. М. Сергеев. Boston, 2018) // Новое литературное обозрение. 2020. № 3 (163). С. 335–346.

7. Милуков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
8. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 2 т. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. 904 с.
9. Mikhailova E.E. Petr Chaadaev and Pavel Milyukov: On the Verge of Philosophy and Politics // Peter Chaadaev: Between the Love of Fatherland and the Love of Truth: Book of Abstracts. Krakow, 2016. P. 40–42.
10. Рыбас А.Е. Русская философия в контексте интеркультурных влияний: аспект позитивизма // Интеркультурная философия: полилог традиций: сборник трудов конференции. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 96–104.
11. Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935) / вступ. ст. М.Г. Вандалковский, Н.А. Струве; подгот. текста А.Н. Шаханова. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. 872 с.

P.N. MILYUKOV'S FOREIGN TRIPS: FROM APPRENTICESHIP TO SCIENTIFIC DIALOGUE (ARTICLE TWO)

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The foreign trips of the Russian positivist historian and public figure at the turn of the XIX–XX centuries P.N. Milyukov are considered as a way of self-knowledge, accumulation of information and acquisition of skills of conducting scholarly dialogue. The motivation of the Russian scholar's foreign trips is presented in time dynamics: from apprenticeship and first impressions – through understanding the importance of dialogue between different cultures – to practical steps in academic cooperation. The period from 1881 to 1899 can be called with great reason the time of Milyukov's «apprenticeship»; the period from 1899 to 1905 was a time of close scholarly dialogue and cooperation with Russian and Western colleagues. It is concluded that in the life-world of Milyukov the «politician» supplanted the «historian». He went abroad as a «novice historian», became a scholar integrated into the international academic community, but returned to Russia as a «novice politician».

Keywords: *P.N. Milyukov, culture, history, scholarly dialogue, foreign trips.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Professor, of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru